

Светлана Леонидовна СМЫСЛОВА¹

УДК 81.42

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В ДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.**

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Тюменский государственный университет
s.l.smyslova@utmn.ru

Аннотация

Аксиологическая составляющая образа учителя определяется тем, что учитель традиционно является ценностной доминантой в системе образования. Изучение вербализации образа учителя в публицистических и научно-популярных текстах конца XIX — начала XX в. помогает составить наиболее полное представление о его роли и месте, об отношении к нему окружающих, о ценностных характеристиках педагогов, оставивших свой след в просвещении России. Кроме того, интересно проследить эволюцию эталонных представлений об учителе, ценностное отношение к нему на разных исторических этапах.

Цель работы состоит: а) в обнаружении характеризующих лексем; б) в определении семантических признаков, формирующих аксиологическую составляющую образа учителя.

Обнаружение ценностного компонента начинается с выявления предикативных и атрибутивных характеристик предмета речи, собственно лексических средств характеристики, в том числе метафорических. Затем из оценочных и образных характеристик, вербализованных разными способами, выделяются эталонные признаки. На основе эталонных признаков и высказываний с открытым оценочным смыслом формулируется ценностное отношение к учителю в дидактических текстах рубежа XIX-XX вв.

С точки зрения авторов научно-популярных и публицистических текстов, посвященных положению дел в образовании, учитель выполняет важную социальную роль и

Цитирование: Смылова С. Л. Вербализация аксиологического компонента образа учителя в дидактических текстах конца XIX — начала XX в. / С. Л. Смылова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 3. С. 88-102.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-88-102

поэтому имеет высокий статус. Наиболее значимыми положительными качествами учителя, соотносимыми с ценностями, являются грамотность в широком понимании, мудрость, добросовестность, доброжелательность, любовь к детям и знание их психологии, терпеливость и вместе с тем строгость, твердость характера, решительность, справедливость. Аксиологические свойства эталонных признаков состоят в способности создать некую модель, ориентир, организующий педагогическую деятельность в соответствии с требованиями общества.

Ключевые слова

Образ, вербализация, лексические средства, перифраз, сравнение, метафора, ценностный компонент, эталонные признаки, социальный статус.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-88-102

Введение

Описание вербализации образа учителя в данной работе проводится в русле лингвистических исследований слова как основной единицы текста, так как оно, являясь частью семантической структуры текста, под воздействием этой структуры приобретает возможность в новых элементах своей семантики отражать мировосприятие автора. Семантическая дескрипция и интерпретация микроконтекстов, включающих взаимодействующие лексемы, способна не просто выявить семантику словообраза, но и выделить в ней аксиологический компонент. Такой поиск в публицистическом тексте с его установкой на трансляцию принятых обществом оценок и порождение ценностей дает возможность составить представление об идеальном педагоге, о его роли и месте, об отношении к нему окружающих в ту или иную эпоху.

Во второй половине XIX в. Россия переживала бурное развитие общественно-педагогической мысли. В результате реформ 1860-х гг. к уже существующим учебным заведениям добавились земские школы, женские школы и гимназии, т. е. возникла разветвленная сеть учебных заведений. Разрабатывались программы изменений в системе образования. С этой целью создавались профессиональные педагогические объединения. Увеличилось количество педагогических журналов. В начале XX в. стала издаваться «Библиотека свободного воспитания и образования и защиты детей» — серия научно-популярных книг, объединенных общим заглавием. Выпускались дидактические пособия, в которых обобщался опыт работы деятелей народного образования. Проблемы воспитания и образования приобрели поистине общественный характер: к их обсуждению обратились философы, естествоиспытатели, историки, писатели. В многочисленных публикациях осмысливается аксиологическое содержание деятельности учителя, его высокая миссия.

Из наиболее значительных трудов по вопросам педагогики, народного образования и просвещения П. А. Лебедевым составлена «Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в.» [7], которая привлечена в качестве источника лексического материала для обнаружения цен-

ностного компонента образа учителя. Следующая группа источников — статьи педагогического и методического характера из общероссийских журналов «Русская школа», «Образование», «Педагогический сборник», «Вестник воспитания». Значительную долю информации об условиях жизни и работы учителей, о народном образовании в целом содержат региональные периодические издания («Тобольские епархиальные ведомости», «Тобольские губернские ведомости», «Сибирский листок», «Школьный листок»).

Целью работы является описание образа учителя с аксиологической точки зрения на основе анализа семантических признаков данного образа, вербализуемых лексическими средствами в текстах дидактического характера, опубликованных на рубеже XIX-XX вв.

Методология исследования

Методика исследования аксиологической составляющей образа учителя опирается на представление о том, что в составе образа обязательно присутствует отражение авторского отношения к нему [2, с. 292]. Важным является также выделение в ценностной составляющей двух компонентов: «оценки» и «ценности». «Оценка» отражает субъективное отношение, она может колебаться от положительной к отрицательной. Ценность же объективна, так как является продуктом социально-историческим, через нее общество осознает значимость предмета в удовлетворении его потребностей [20, с. 72]. Связь «оценки» и «ценности» заключается в том, что выбор типа информации, выражающей оценку, определяется именно представлением о ценности того, о чем говорится [22, с. 109]. Иначе говоря, анализируя оценочные суждения, выделяя из них те, которые положительно оценивают предмет речи, можно обнаружить ценностные установки.

Поэтому с целью описания ценностного компонента на первом этапе необходимо выявить характеристики учителя, в том числе образные, выраженные различными лексическими средствами. На втором этапе следует из оценочных характеристик выделить эталонные признаки учителя. Третий этап состоит в формулировании на основе эталонных признаков ценностного отношения к учителю.

Обсуждение результатов

В исследуемых текстах в силу их ориентированности на убеждение читателя в истинности авторской позиции по отношению к состоянию народного образования представление об учителе не замыкается представлением о нем как о лице, которое преподает в школе. В его характеристике важной является качественная оценка, выраженная разнообразными предикатами. Например: «Отсюда является необходимость, чтобы педагог *был человеком высоконравственным и высокообразованным*» [5, с. 156]; «Учитель сам должен серьезно относиться к своему делу, являясь на дело всегда *подготовленным, бодрым*» [7, с. 248]; «Если учитель *вял и апатичен*, то и ученики работают вяло и апатично, если учитель *суетлив, рассеян* и без меры подвижен, то ученики на уроке суетливы и не сосредоточиваются на предмете обучения» [8, с. 315] и т. п.

В качестве предиката в пропозиции характеристики, кроме качественных прилагательных, частотны имена существительные — обозначения моральных и поведенческих качеств: «Учитель народной школы должен... иметь *твердость* отстаивать свои убеждения» [9, с. 11]; «Учитель должен отличаться *терпением*, быть *справедливым*, отличаться *самообладанием* и неусыпно бодрствовать над детьми» [18, с. 142] и т. п. Обратим внимание на модальность долженствования, которая связана с общим наставническим тоном текста, со стремлением сформулировать требования к идеальному учителю.

Пропозиция характеризующей семантики может быть выражена вторично в атрибутивных распространителях лексем — номинаций учителя. Наряду с определениями, дающими оценку тяжелого труда учителя, в особенности сельского («беззащитный», «болезненный», «дурно оплачиваемый», «нуждающийся» и т. п.), обнаруживаются определения, называющие положительные, т. е. желательные признаки («благополучный», «здоровый», «полный сил и энергии» и т. п.). Среди таких желательных признаков указываются требования к внешнему виду учителя, «ибо внешняя сторона скорее делает на детей впечатление и вызывает их подражание или копировку» [9, с. 30]. Облик учителя создается обычно именами существительными — производными качественных прилагательных: «*Простота* и *опрятность*»; «*распушенность* нигде и ни в чем нельзя одобрить»; «затем внешность хорошего учителя характеризуют: *степенность*, *спокойствие* и *важность* в движениях» [9, с. 31].

В исследуемых текстах конца XIX — начала XX в. распространена вербализация характеризующего признака с помощью абстрактного существительного: «Его *гуманность* сообщается детям; его *справедливость* направляет их к справедливости; его *уважение* к работе и *энергия* в труде находят отзыв в душе учеников» [7, с. 252] и т. п. Существительные с качественным значением, называющие признаки, располагаются на противоположных полюсах оценочной шкалы.

Представим лексемы, дающие положительную оценку, по мере уменьшения их частотности в анализируемом текстовом материале (в скобках указано количество употреблений): «терпеливость» (9), «справедливость» (6), «требовательность» (6), «добросовестность» (5), «живость» (4), «настойчивость» (4), «приветливость» (4), «религиозная настроенность» (4), «самообладание» (4), «строгость» (4), «внимательность» (3), «гуманность» (3), «доброта» (3), «кротость» (3), «опытность» (3), «последовательность в действиях / в требованиях» (3), «твердость характера» (3), «трудолюбие» (3), «честность» (3), «благовоспитанность» (2), «благонадежность в политическом отношении / политическая» (2), «выносливость» (2), «наблюдательность» (2), «незлобивость» (2), «религиозность» (2), «решительность действий» (2), «самолюбие» (2), «сердечность» (2), «скромность» (2), «спокойствие духа» (2), «твердость убеждений» (2), «учтивость» (2) и др. Лексемы данного ряда образуют тематические группы, являясь согипонимами, содержащими общий родовой компонент значения, который можно назвать критерием оценки учителя. Это, например, «*соответствие социально-политическому запросу*» («благовос-

питанность», «политическая благонадежность», «религиозность» / «религиозная настроенность», «твердость убеждений»), «отношение к профессиональным обязанностям» («добросовестность», «трудолюбие», «искренность в служении делу»). В тематическую группу «отношение к детям» входят лексемы с контрастными элементами семантики. С одной стороны, требуются «приветливость», «доброта», «ласковость», «заботливость», «сердечность», с другой — «настойчивость», «требовательность», «строгость». Однако уравновешивается оценка отношения к детям в представлении о справедливом, последовательном в действиях и требованиях наставнике. Интересны с позиций нашего времени заявленные в качестве требований к хорошему учителю рассматриваемой эпохи «бдительность», «проницательность», «устойчивость характера», «изобретательность», «любопытность», «выносливость», которые в современной школе также важны, но открыто не декларируются как достоинства педагога. Среди характеристик актуальны качества самой личности учителя: «гордость», «самообладание», «честность», «самолюбие» и вместе с тем «скромность».

Отрицательный полюс образуется в основном контрастными по отношению к лексемам положительного полюса антонимами, анализ которых также позволяет сформулировать ценностное отношение к учителю. Среди них, в свою очередь, образуются пары, представляющие контрастные крайние проявления качеств: «суровость» и «чувствительность (излишняя)», «заносчивость», «высокомерие» и «угодливость», «приниженность», «торопливость» и «медлительность». Негативно характеризуют учителя его «педантизм», «безразличие», «формализм», «холодность» в обращении с детьми или излишняя «вспыльчивость», «раздражительность», «угрюмость», «мрачность».

Приведенное распределение на оценочной шкале характеризующих существительных показывает высокий положительный статус учителя в представлении авторов дидактических текстов (положительных оценок — 113, негативных — 36). Подобным образом распределяются оценки профессиональных качеств учителя, выраженные именами прилагательными: в 338 случаях оценка положительная, в 144 — отрицательная.

Установление степени соответствия профессиональным требованиям обязательно сопровождается использованием лексем «настоящий», «истинный» и им подобных, дающих общую оценку. Такие лексемы считаются своеобразными языковыми показателями полярных оптимальных модусов [10, с. 173]. Данные имена прилагательные, обозначающие соответствие норме, «неложность», в рассматриваемых текстах подчеркивают высокую меру признака: настоящий — «выдающийся в своем роде» [10, с. 174]. Среди положительно окрашенных прилагательных интересно метафорическое употребление лексемы «золотой» в высказывании руководителя учебного заведения: «Кузнецов — золотой учитель!» [19, с. 474]. В группе общеоценочных имен прилагательных частотностью отличаются лексемы «хороший» (26) и «достойный» (29). Имена прилагательные, дающие общую характеристику, также демонстрируют преобладание положительной

оценки: 16 признаков в 98 употреблениях. Отрицательная оценка ограничена 7 признаками в 22 употреблениях, при этом большая часть — формы имени прилагательного «*плохой*» (14).

В выражении субъективной оценки участвуют также имена существительные в референтном идентификационном употреблении. В исследованных текстах они объективируют преимущественно отрицательные признаки: бодрость и жизнерадостность («оптимист» [16, с. 34]); отсутствие опыта работы и педагогических знаний («недоучка» [23, с. 83]); формализм в выполнении профессиональных обязанностей («педант» [12, с. 218]); недобросовестность («ленивец», «нерадивец» [4, с. 163]). В качестве приложений такие лексемы не столько уточняют характеристику называемого лица, сколько служат типологизации различных воплощений учителя: «*виртуоз-преподаватель*» [16, с. 75], «*горе-педагоги*» [3, с. 176]; «*педагог-гуманисты*» [21, с. 608], «*учитель-педант*» [8, с. 566], «*учитель-резонер*» [8, с. 565], «*учитель-самодержец*» [14, с. 119], «*учитель-скупец*» [8, с. 561], «*педагог-чиновник*» [14, с. 152], «*учитель-флегма*» [8, с. 560].

Номинационная цепочка, представляющая наименования педагога, включает многочисленные лексемы с метафорическим значением, сравнительные конструкции, перифразы, т. е. различные характеристики, обладающие экспрессивными свойствами. Их выбор зависит как от жанра и характера материала, так и от авторской интенции. Данное явление вызвано тем, что анализируемые тексты следует отнести к научно-популярным или публицистическим, в которых именно способность выражать оценку позволяет воздействовать на массового читателя наиболее эффективным способом. Многократно употребляемые перифрастические наименования «лица преподавательского персонала», «личный состав учащихся», «члены педагогического персонала» и т. п., очевидно, заимствованы из официально-деловых текстов. Нас же интересуют публицистические конструкции, подчеркивающие социальную значимость учительской профессии: «каждый выступающий на поприще общественной деятельности», «местный общественный деятель», «творцы народной грамотности». Наиболее частотны различные варианты патетического публицистического штампа, опирающегося на образ земледельца-сеятеля: «работник / труженик на ниве народного просвещения / на ниве народной». В педагогических произведениях эти конструкции утратили силу экспрессивного воздействия, поскольку тексты ориентированы на широкий круг читателей, а значит, должны быть доступны для понимания, этим и определяется частая повторяемость образных средств, а как следствие — их неизбежное превращение в устойчивые обороты речи. Заметим, однако, что именно этот штамп дает важное смысловое наращение — «социальная ценность учительского труда».

В качестве вариантов данного перифраза выступает конструкция «сеятель на ниве народной», вербализующая один из базовых образов учителя в картине мира носителей русского языка. Образ учителя-сеятеля представлен в цитате «Сейте разумное, доброе, вечное». Это прецедентное высказывание в анализируемых источниках часто занимает место эпитафии или появляется еще в одной

из сильных позиций текста — в заключении. Развертывание метафоры сеятеля происходит в значительных текстовых фрагментах за счет лексем «рассадник», «страда» в регулярно повторяющихся словосочетаниях «рассадник просвещения», «рассадник света и культуры» (об учебных заведениях), «экзаменационная страда», а также лексикой, описывающей труд земледельца: глагольной («возделывать ниву», «обрабатывать землю», «сеять», «пожинать плоды»), а также именной («почва», «посев», «семена», «всходы», «плоды» (о знаниях и результатах обучения)) и т. п. В рассуждении И. Савенкова о методической подготовке к уроку учитель уподоблен пахарю: «Вы убедитесь, что различие заключается вовсе не в *семенах*, предназначенных к *посеву*, а в подготовке надлежащей *почвы*... <...> Подготовить душу и ум ребенка к восприятию знания несравненно труднее, чем *сеять* знания» [18, с. 304]. Метафора земледельца поддерживается религиозным дискурсом: авторы обращаются к тексту Библии, высказываниям православных церковных деятелей [18, с. 72, 217]. Описание процесса обучения и приобщения к православной вере посредством земледельческой метафоры ведет традицию от древнерусских текстов, что, по мнению исследователей, объясняется ритуализацией этого занятия с древних времен [6, с. 118].

Общественную значимость учителя подчеркивает образ светильника (23), также базовый образ в картине мира, создаваемой русским языком [11, с. 63]. В этом образе на передний план выходит функция передачи знаний и опыта: «Если же отдыха не будет — не ищите хороших учителей, *светильников* окружающему, настоящих просветителей для ваших детей; получим только исполнителей» (Менделеев Д. И.) [7, с. 436]. «Будь побольше таких *светлых* личностей, наш край оживился бы, грубые наши нравы смягчились, да и *обледневшая* общественная энергия от *света и теплоты*, наверное, расцвела бы» [19, с. 196]. В вербализации образа участвуют лексемы словообразовательного гнезда с производящим «*свет*» (светлый, светоч, светильник, осветить) и антонимичной группы с производящим «*тьма*» (темный, темнота). Метафорический образ создается также устойчивыми сочетаниями «тьма кромешная», «темное царство», лексемами «огонь», «огонек (педагогический)», «тепло», «теплота», «мрак», «обледенеть». К этому положительному образу близок еще один яркий образ учителя. Он опирается на сравнение, которое предложено в одном из педагогических сборников: «Как *приветливое солнце освежает землю*, которую *освещает*, так и вы старайтесь оживлять школу» [18, с. 160]. Образ учителя — источника света (9) для авторов дидактических сочинений является средством представления душевных качеств учителя, что подтверждают и конструкции «душевная теплота», «любовь согревает», «растопить ледяную кору сердца».

Актуальными для дидактических сочинений конца XIX — начала XX в. являются образы архитектора (8), скульптора (2), живописца (7), основанные на сходстве деятельности по созиданию «образов» и/или «образцов», эта же семантика во внутренней форме лексемы «образовать» [1, с. 469]. При этом ум и душа детей рассматриваются в качестве материала созидания, а знания и моральные ценности в качестве созидющих средств, школа — мастерская, а

учитель — искусный мастер, целью творчества которого являются развитые, образованные личности. Так, например, в рассуждении И. Савенкова о выборе методов воспитания и их зависимости от цели цитируется мысль К. Д. Ушинского: «Что сказали бы вы об *архитекторе*, который, *закладывая новое здание*, не сумел бы ответить вам на вопрос: что он хочет *строить*, — *храм* ли, посвященный Богу истины, любви и правды; простой ли *дом*, в котором жилось бы уютно; красивые ли, но бесполезные *ворота*, на которые заглядывались бы проезжие; раззолоченную ли *гостиницу* для обирания нерасчетливых путешественников; *кухню* ли для переварки съестных припасов; *музеум* ли для хранения редкостей; или *сарай* для склада туда всякого никому уже в жизни не нужного хлама? То же самое вы должны сказать и о воспитателе, который не сумеет ясно и точно определить цели своей воспитательной деятельности» [18, с. 17-18].

Образы архитектора, скульптора и живописца объединяет тема искусства, и обучение декларируется как одно из искусств [18, с. 275]. Однако, как подчеркивает педагог-методист И. Савенков, функции учителя отличаются от функций художника: «Искусство воспитания выше всякого искусства: живописец и скульптор творит только безжизненную фигуру, а мудрый воспитатель дает живой образ, смотря на который радуется Бог и люди (Св. Иоанн Златоуст)» [18, с. 377]. «Давно уже оставлено мнение Локка, что душа ребенка — та *чистая доска*, на которой можно *написать* что угодно. Приходится считаться и с наследственностью, и с окружающей действительностью», учителю следует опираться на «природные способности», «первоначальные впечатления детства» [18, с. 153]. Образы садовника, архитектора, скульптора, живописца подчеркивают воспитательную функцию учителя, его активную роль в противопоставлении пассивной роли ученика.

Функциональный характер имеет и метафора, связывающая воспитательную деятельность учителя с исцеляющей врачебной деятельностью. Воспитатель «*врачует немощи* греховной природы человека, содействуя на своей скромной чреде искоренению пороков и насаждению благочестия (Епископ Евсевий)» [18, с. 11]. Образ учителя-врача помогает убеждать читателя в необходимости чуткости по отношению к самым несообразительным и ленивым подопечным: «Как *врачи* радуются и ставят в заслугу себе, что *вылечивают тяжело больных*, так и учителям нужно торжествовать, когда они выучивают малоспособных учеников» [18, с. 154]. К этому же образу автор прибегает в рассуждении о профессиональной подготовке, о личной ответственности и необходимости самосовершенствования: «Прежде, чем перевоспитывать и *исцелять* детей от нравственных недугов и пороков, надо не только определить, но и *излечить* свои нравственные недуги» [18, с. 194].

Высокое учительское предназначение подчеркивают образы благотворителя, миссионера, пастыря, возникающие в текстах о церковно-приходской школе. Обычным для таких статей является сравнение его роли с ролью священника. «На народного учителя смотрели... чуть не как на *миссионера, отправляющегося с опасностью жизни просвещать дикарей*» [13, с. 170]. «Духовенство

православное... близко стоит к этой дорогой для него школе и видит в школьном учительстве одно из проявлений своей *пастырской* деятельности» [18, с. 56].

Сценарий направления «пасомых» используется также в образе проводника (6). Однако наряду с воплощением идеи руководства происходит переосмысление учительской деятельности как пути, выбор направления которого — это выбор способа обучения и воспитания [9, с. 37; 18, с. 24, 55, 178-179, 267].

К традиционному метафорическому осмыслению образа учителя следует отнести регулярную метафорическую модель «учитель — отец» (15), включенную в соотношение «школа — это семья». К «семейной» метафоре прибегают авторы текстов о церковно-приходской школе, обычно сельской: «Хорошая школа — это *семья*, в которой учитель — *отец*, а все ученики — *братья*. В хорошей школе, как и в хорошей *семье*, *братья*-ученики любят и почитают своего *отца*-учителя, а в основание отношений между собою кладут любовь, справедливость и взаимопомощь» [24, с. 1]. В подобных случаях внимание акцентируется на нравственных качествах педагога, что и является основанием для переноса [15, с. 999; 20, с. 19; 18, с. 159, 197, 296, 363; 24, с. 1 и др.]. В народной школе важен характер взаимоотношений учителя и учеников, поэтому у педагога должен быть авторитет, подобный тому, какой имеют старшие родственники: отец, дядя, старший брат [18, с. 377]. К нему предъявляется требование быть спокойным, доброжелательным, терпимым, обращаться с детьми «с сердечною теплотою» [18, с. 159].

Ценностные представления об учителе в дидактических текстах рубежа XIX-XX вв. реализуются через патетически окрашенный образ борца с неграмотностью (13): «Умер среди трудов, как *доблестный воин на поле брани, воин в борьбе* с народною темнотою и невежеством» [19, с. 475]. В просветительской деятельности учитель сталкивается и с невежеством народных масс, и с бюрократизмом вышестоящих должностных лиц, и с нежеланием учиться со стороны детей, их недисциплинированностью. Метафора борьбы может приобретать отрицательную окраску, если демонстрирует неспособность учителя налаживать отношения с учениками, а значит, его несоответствие предъявляемым требованиям. Авторы педагогических сочинений описывают распри учителей и учеников, называя обучение ожесточенной войной, в которой нет места перемирию [7, с. 139].

Помимо вышеназванных регулярно используемых образов, исследованный материал содержит другие положительно окрашенные образы: душа школы (5), слуга детей (3), двигатель (2), дуб / дерево с крепкими корнями (2), ангел-хранитель (1), дирижер (1), повивальная бабка (1), соль земли (1), сын отечества (1), хозяин (1), хранитель клада (1).

Отмечены также отрицательно окрашенные образы: жандарм (2), повар (2), дрессировщик (1), продавец (1), пугало (1). Автоматизм в выполнении обязанностей, бездушное отношение к детям отражены в сопоставлении учителя с неким механизмом (8): «Без начала личности невозможно ни правильное воспитание, ни нормальное обучение, и чем менее похож учитель на *бесстрастную*

машину, то есть чем более вносит своего личного элемента в обучение и воспитание, тем лучше» [8, с. 18]; «Он ходил как *заведенная машина* каждый день на несколько часов в класс и задавал „отсюда и досюда“» [19, с. 188].

Реальный, а не идеальный статус учителя представлен авторами текстов о начальной школе в образе раба (8). Метафорическое осмысление опирается на ряд признаков: бесправный, бессильный, зависимый, несвободный, а потому испытывающий боль, страдающий и терпеливый. Данный образ реализуется оценочными номинациями учителей и характеристиками их деятельности: «*бесправные прислужники*», «*школьные пасынки и страдальцы*», «*долгий и тяжелый труд*», «*до уныния тяжело, до боли стыдно*», «*невмозготу приходится*», «*чувствуешь несправедливость*» и т. п.

Если образ раба указывает на иерархическую ступень, занимаемую учителем в социуме, то в остальных случаях метафорически осмысливаются различные функциональные признаки, что позволяет автору вывести на передний план наиболее значимый с его точки зрения признак. Несмотря на то, что проявления деятельности учителя и его характеристики многообразны, объединение лексем — выразителей актуальных смыслов в тематические группы позволяет построить **иерархию качеств педагогов рубежа XIX-XX вв.:**

1. На первое место выдвигается наличие знаний, как научных (грамотность), так и знаний о жизни (мудрость) («сеятель»).
2. Второе место отдается спокойствию, терпеливости, искренней любви к детям («источник света», «солнце», «отец»).
3. На третьем месте убежденность, твердость характера, решительность, а также самоотверженность («борец»).
4. Для авторов дидактических текстов важно, заботится ли учитель о развитии личности детей, воспитывая их («архитектор», «врач», «живописец», «садовник»); способен ли он быть образцом для подражания («душа школы», «миссионер», «пастырь», «проводник»).

Оценивающая позиция создателей публицистических и научно-популярных текстов проявляется в выборе языковых средств создания образа учителя: характеризующих имен прилагательных и образованных от них существительных, а также имен существительных — номинаций основного субъекта образовательного процесса; в насыщении высказывания перифразами, сравнениями, метафорами. При этом семантический анализ лексем, вербализующих образ учителя, дает возможность сформулировать как желательные, так и нежелательные признаки образа учителя.

Идеальный («хороший», «совершенный») педагог противопоставлен неидеальному («плохому») следующими наиболее частотными в анализируемых текстах характеристиками:

- *добросовестный* — *недобросовестный*;
- *опытный* — *неопытный/малоопытный*;
- *образованный* — *несведущий / неразвитый в интеллектуальном отношении*;
- *внимательный/заботливый* — *равнодушный/безразличный*;

- добрый/доброжелательный — грубый/резкий; грозный/суровый;
- терпеливый — нетерпимый/раздражительный;
- строгий/требовательный — беспринципный;
- бодрый/энергичный — вялый/апатичный.

Кроме того, среди положительных характеристик *самоотверженный, религиозно настроенный, талантливый, любимый детьми, справедливый, честный.*

Среди отрицательных — *ленивый, высокомерный* или, напротив, *льстивый, угодливый.*

Выводы

Компонентный анализ семантики указанных признаков лексем позволяет выделить интегральные семы, содержащие наиболее важные критерии оценивания учителя: «отношение к должностным обязанностям», «педагогическое мастерство», «отношение к ученикам», «наличие знаний и интеллектуальные качества», «моральные качества». Взаимосвязь дифференциальных сем свидетельствует о том, что ценностные установки ориентированы на просвещение народных масс, на подвижничество учителя.

В целом публицистические и научно-популярные тексты рубежа XIX–XX вв., посвященные деятельности учителя, рисуют идиллическую картину. Цель книг и статей — показать, какой должна быть *«правильно поставленная школа»*, подготовить начинающих учителей к деятельности *«на ниве народного просвещения»*, поднять на высокий уровень статус учителя, т. е. сформулировать ценности профессии, к которым относятся глубокие познания, богатый жизненный/духовный/профессиональный опыт, внимательное отношение к потребностям учеников. Таким образом, семантическая дескрипция и интерпретация образа учителя, создаваемого авторами педагогических произведений конца XIX — начала XX столетий, демонстрирует его несомненную социокультурную ценность как для российской педагогики, так и для всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренко С. А. Образование / С. А. Азаренко // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. М.: Академический проспект, 2004. С. 468–471.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Богуславский В. М. Семантико-стилистическая группа слов, соотносимых с одним понятием / В. М. Богуславский // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 154–182.
4. Вестник воспитания. М., 1895. № 5–8. 800 с.
5. Вестник воспитания. М., 1913. № 2. 366 с.
6. Демков М. И. О ходе урока и духе обучения / М. И. Демков // Педагогический сборник. 1893. № 3 (июль — декабрь). СПб. С. 141–156.

7. Кондратьева О. Н. Земледельческая метафора в концептуализации внутреннего мира человека Древней Руси / О. Н. Кондратьева // Менталитет и ментальность. Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 9. Landau: Vergal Empirische Pädagogik, 2003. Кемерово: Графика, 2003. С. 118-121.
8. Лебедев П. А. Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX вв. // П. А. Лебедев; сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
9. Лубенц Т. Педагогические беседы / Т. Лубенц. СПб.: Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1913. 580 с.
10. Миропольский С. И. Учитель народной школы, его призвание и качества, значение, цели и условия его деятельности в воспитании и обучении детей / С. И. Миропольский. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1890. 118 с.
11. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
12. Новокшопова Н. Л. Метафоры света и огня в интерпретации жизни / Н. Л. Новокшопова // Миромоделирование в языке и тексте: сб. науч. трудов / под ред. З. И. Резановой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 59-68.
13. Образование. 1895. Т. I. № 1-6.
14. Острогорский В. П. Из истории моего учительства: как я стал учителем / В. П. Острогорский. СПб.: Издание Н. В. Ельманова, 1914. 178 с.
15. Платонова О. В. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати / О. В. Платонова // Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 253-264.
16. Прибыльский Ю. П. Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв.: хрестоматия / Ю. П. Прибыльский. Тюмень: Вектор Бук, 2001. Т. 1. 256 с.
17. Радонежский Ф. Основы русской школы и современная гимназия / Ф. Радонежский. СПб.: Сенатская типография, 1901. 34 с.
18. Русская школа. СПб. 1894. № 5-6. 376 с.
19. Русская школа. СПб. 1894. № 2. 272 с.
20. Савенков Ив. Учитель народной школы и его обязанности. Дидактический сборник / Ив. Савенков. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1900. 523 с.
21. Сибирский листок: 1908-1911 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 656 с. [Газеты Сибири].
22. Слостенин В. А. Общая педагогика: учеб. пособие для студентов высш. уч. завед.: в 2 с. / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред В. А. Слостенина. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. Ч. 1. 288 с.
23. Соколов П. История педагогических систем / П. Соколов. СПб.: Издание О. В. Богдановой, 1913. 616 с.
24. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с.
25. Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 10, 14, 15, 17, 22.
26. Чернецкий К. Е. Учитель — душа школы / К. Е. Чернецкий. Киев, 1900. 7 с. (Оттиск из журнала «Церковно-приходская школа».)

Svetlana L. SMYSLOVA¹

UDC 81.42

**THE VERBALIZATION OF THE AXIOLOGICAL FEATURES
OF THE TEACHER'S IMAGE IN DIDACTIC TEXTS
OF THE END OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian Language, University of Tyumen
s.l.smyslova@utmn.ru

Abstract

The axiological features of the teacher's image are determined by the fact that a teacher is traditionally considered a dominant value element in the education system. The study of the verbalization of the teacher image in journalistic and popular scientific texts in the late 19th — early 20th century promotes better understanding of the role and place of a teacher, the attitude of others to a teacher, and the axiological features of the teachers who played a role in the enlightenment of Russia. In addition, it is of interest to see the evolution of the standard ideas about teachers and the value-based attitude to a teacher during different historical periods.

This research paper aims at finding characteristic lexemes of the axiological aspect of the teacher image and determining the semantic features of the axiological aspect of the teacher image.

In order to distinguish the axiological features of the predicative and attributive characteristics of the subject, lexical means of characterization, including metaphorical means have to be found first. The next stage is to find the standard characteristics based on the evaluative and metaphorical characteristics verbalized by different means. The standard characteristics and the phrases with clear evaluative meaning together form the value-based attitude to the teacher in the didactic texts of the end of the 19th and the beginning of the 20th century.

From the point of view of the authors of the popular scientific and journalistic texts about the state of affairs in education, a teacher plays an important social role and, as a result, has a higher status. The most important teacher merits associated with the traditional values include

Citation: Smyslova S. L. 2018. "The Verbalization of the Axiological Features of the Teacher's Image in Didactic Texts of the End of the 19th and Early 20th Century". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 3, pp. 88-102.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-88-102

competence in the broad sense of the word, wisdom, conscientiousness, friendliness, love for children, and the knowledge of their psychology, patience paired with strictness, true grit, determination, and fairness. The axiological features of standard characteristics consist in the ability to create a model or a reference point for organizing pedagogical activity in accordance with the societal expectations.

Keywords

Image, verbalization, lexical means, circumlocution, comparison, metaphor, value-based component, standard characteristics, social status.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-88-102

REFERENCES

1. Azarenko S. A. 2004. "Obrazovanie" [Education]. In: Kemerov V. E. (ed.). *Sovremennyi Filosofskii Slovar* [Modern Dictionary of Philosophy], pp. 468–471. Moscow: Akademicheskii Prospect.
2. Bakhtin M. M. 1979. "Estetika slovestnogo tvorchestva" [The Aesthetics of the Written Word], pp. 424. Moscow: Iskusstvo.
3. Boguslavskiy V. M. 1972. "Semantiko-stilisticheskaya gruppa slov, sootnosimyh s odnim ponyatiem" [Semantic and Stylistic Group of Words Associated with One Concept]. In: *Sinonimy russkogo yazika i ih osobennosti* [The Synonyms of Russian and Their Characteristic Features], pp. 154-182. Leningrad: Nauka.
4. *Vestnik vospitaniya* [The Education Herald]. 1895. No 5-8, pp. 800.
5. *Vestnik vospitaniya* [The Education Herald]. 1913. No 2, pp. 366.
6. Demkov M. I. 1893. "O khode uroka i obucheniya" [On the Course of the Lesson and Instruction]. *Pedagogicheskiy sbornik*, no 3 (July — December), pp. 141-156.
7. Kondratieva O. N. 2003. "Zemledelcheskaya metafora v kontseptualizatsii vnutrennego mira cheloveka Drevnei Rusi" [Agricultural Metaphor in the Conceptualization of the Inner World of the Person of the Ancient Rus]. In: *Mentalitet i mentalnost'*. Seriya "Etnogermenevtika i etnoritorika [Mentality and psyche. "Ethno hermeneutics and ethno rhetoric" Series]. Vol. 9, pp. 118-121. Landau: Vergal Empirische Pädagogik; Kemerovo: Graphika.
8. Lebedev P. A. 1990. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [The Anthology of Pedagogical Ideas in the Second Half of the 19th Century — Late 20th Century Russia]. Compiled by P. A. Lebedev. Moscow: Pedagogika.
9. Lubentz T. 1913. "Pedagogicheskie besedy" [Pedagogical Talks]. Saint Petersburg: Izdanie Knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova.
10. Miropilskiy S. I. 1890. *Uchitel' narodnoi shkoly, ego prizvanie i kachestva, znachenie, tseli i usloviya ego deyatelnosti v vospitanii i obuchenii detei* [The Teacher of the Public School, His/Her Mission and Qualities, the Meaning, Purpose, and Conditions of His/Her Activity in Educating and Bringing up Children]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorohodova.
11. Nikitin M. V. 1996. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [The Course in Linguistic Semantics]. Saint Petersburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga.

12. Novokshonova N. L. 2003. "Metafory sveta i ognya v interpretatsii zhizni" [The Metaphors of Light and Flame in the Interpretation of Life]. In: Rezanova Z. I. (ed.). *Miromodelirovaniye v yazike i tekste* [World Modelling in Language and Text], pp. 59-68. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta.
13. *Obrazovanie* [Education]. 1895. Vol. 1, no 1-6.
14. Ostrogorskiy V. P. 1914. "Iz istorii moego uchitelstva: kak ya stal uchitelem" [From the History of My Teaching: How I Became a Teacher]. Saint Petersburg: Izdanie N. V. Elmanova.
15. Platonova O. V. 1998. "Pragmatika i ritorika diskursa v periodicheskoi pechati" [Discourse Pragmatics and Rhetoric in Periodicals]. In: Graudina L. K., Shiryayeva E. N. (eds.). *Kultura russkoi rechi* [The Style of Russian Speech], pp. 253-264. Moscow: Norma-Infra-M.
16. Pribylski Y. P. 2001. *Shkola Tobolskoi gubernii v XVIII- nachale XX vv. Khrestomatiya* [The School of the Tobolsk Province in the 18th — Early 20th Century: Reader]. Vol. 1. Tyumen: Vektor Buk.
17. Radonezhskiy F. 1901. *Osnovy russkoi shkoly i sovremennaya gimnaziya* [The Foundations of the Russian School and the Modern Grammar School]. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya.
18. *Russkaya shkola* [Russian School]. 1894. No 5-6, p. 376.
19. *Russkaya shkola* [Russian School]. 1894. No 2, p. 272.
20. Savenkov Iv. 1900. *Uchitel narodnoi shkoly i ego obyazannosti. Didakticheskiy sbornik* [The Public School Teacher and His/Her Responsibilities. Didactic Collection]. Warsaw: Tipografia varshavskogo uchebnogo okruga.
21. Beloborodov V., Mandriki Yu. (comps.). 2003. *Sibirskiy listok: 1908-1911* [Siberian List: 1908-1911]. *Gazety Sibiri* [Siberian Newspapers] series. Tyumen: Mandr i Co.
22. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyanov E. N. 2003. *Obshaya pedagogika; uchebnoe posobie dlya studentov vyssh. uch. zav* [General Pedagogy: University Student Book] in 2 vols. Edited by V. A. Slastenin. Vol. 1. Moscow: Gumanitarnuy izdatelski tsentr VLADOS.
23. Sokolov P. 1913. *Istoria pedagogicheskikh sistem* [The History of Pedagogical Systems]. Saint Petersburg: Izdanie O. V. Bogdanovoi.
24. Telia V. N. 1996. *Russkaya frazeologia: semanticheskii, pragmaticeskii, kulturni aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Cultural Aspects]. Moscow: Shkola "Yaziki russkoi kultury".
25. *Tobolskie eparkhialnie vedomosti* [Tobolsk Diocesan Gazette]. 1907. No 10, 14, 15, 17, 22.
26. Chernetskiy K. E. 1900. "Uchitel — dusha shkoly" [The Teacher Is the Soul of the School]. Kiev. (Reprint from the journal "Tserkovno-prihodskaya shkola" [Parochial School]).